

Янь Цивэй проснулась от голода. Кроме того, она чувствовала тупую головную боль и кипящий жар, пронизывающий все ее тело и заставляющий её чувствовать себя очень плохо.

Она подумала, не поднялась ли у неё температура, и неохотно открыла глаза. Именно тогда она обнаружила, что находится не в своей комнате. И когда она наклонила голову, в зеркале отразилось слабое, худое и бледно-больное лицо девушки с опущенными глазами, нежным и красивым лихорадочным взглядом. Она снова перенеслась во времени на семь лет назад.

Неожиданно, но Лян Сяо все время оставался рядом с ней. Не было ни “крепко схватил её за руку”, ни “не мог оторвать глаз от ее сонной фигуры”, как в романах, он просто тихо сидел на стуле рядом с ней, молча читая книгу.

Янь Цивэй взглянул на обложку:

"Пособие по стандартным тестам средней школы".

Ну, его можно понять. Место, в котором учились Янь Квэй и Лян Сяо, было одним из лучших, и даже среди всех этих талантливых студентов оценки Лян Сяо каждый год занимали первое место, его по праву можно было считать лучшим. Но не сейчас. Большинство столичных детей ходили в школу с раннего возраста, не говоря уже о том, что у Лян Сяо не было никаких дополнительных уроков, но школа, в которую он ходил в деревне, довольно сильно отставала с точки зрения качества преподавания, поэтому он тоже отстал с самого начала.

Более того, был ли он дома или нет, он всё время занимался домашней работой, его били и ругали, так что у него не было свободного времени для учебы. Но даже в этом случае его оценки по-прежнему были лучшими среди средней школы этой деревни, но как только их сравнивали с оценками столичных подростков, его оценки оказывались довольно плохими.

Однажды его приемные родители захотели, чтобы он бросил школу, чтобы помогать по дому. Слава богу, в школе был учитель, который увидел его потенциал, который поговорил с ними и согласился оплатить его учебу. Чэнь Цзяи всегда рыдала, когда говорила об этом учителе, говорили, что это был сорокалетний человек, который окончил педагогический курс в известном университете, но решил добровольно посвятить себя сельской школе и провести свою юность посреди гор и грязи.

Она и Лян Ци нанесли ему визит, в простой одноэтажный дом, который не мог быть более простым чем сейчас, с шелковым плакатом с надписью «Везде есть что-то хорошее», висящим на затухающей стене, и “Так говорил Заратустра”, аккуратно поставленным на кофейный столик. У человека в простой одежде были морщины по всему лицу, когда он улыбнулся и робко сказал им:

— Вам не нужно меня благодарить. Он хороший ребенок, поэтому я должен был убедиться, что

он сможет продолжать учебу.

Семья Лян дала ему в последствии три миллиона в качестве компенсации за школьные годы. Чэнь Цзяи схватил ее за руку, когда она говорила об этом:

— Вэйвэй, как человек, ты должна быть доброй и проявлять заботу.

Проявление милосердия не всегда принесет вам что-то взамен, но часто твои действия могут изменить жизнь другого человека. Янь Цивэй не стремилась изменить жизнь многих людей, как та учительница, она только желала, чтобы настоящий Лян Сяо был счастлив и никогда больше не страдал от других. У неё было маленькое сердце, и она не могла вынести большего, вот настолько безнадежная.

Лян Сяо заметил ее пристальный взгляд и оторвался от учебника. Он все еще был очень застенчив и говорил тихо, не осмеливаясь смотреть Янь Цивэй в глаза:

— Ты голодна? Тетя Шэн купила тебе немного каши.

Увидев, что она слабо кивнула, подросток положил учебник себе на бедро, повернулся, чтобы передать ей миску каши из прикроватной тумбочки. После некоторого колебания он сказал:

— Тебе не стоит есть что-то слишком жирное, когда ты больна, обычная каша лучше всего подойдет сейчас.

После ухода в течение нескольких дней голос Лян Сяо был намного мягче и яснее, чем при их первой встрече. Когда он заговорил, в его голосе были холодные и нежные нотки подростки, и когда Янь Цивэй слышала его, то зон был намного теплее, чем полуденный солнечный свет зимой. Отчужденный, нежный, как мягкая кошачья лапка, ласкающая её ушки. Это была та самая сторона, которую семь лет спустя президент Лян никогда не проявит. Она поблагодарила его и взяла еду, а когда покончила с кашей, спросила:

— Где тетя Шэнь?

— Она пошла за лекарствами.

Услышав это, Янь Цивэй мгновенно замерла, в тот же момент кто-то открыл дверь комнаты, и вошла тетя Шэнь, принеся с собой неприятный запах лекарств. Она нахмурилась и жалобно посмотрела на тетю, у которой не было другого выбора, кроме как улыбнуться, понимая, что она имеет в виду:

— Нет смысла притворяться немощной, ты должна принять это лекарство.

Та, что была до нее, часто болела, поэтому она привыкла к горькому вкусу и заботилась только об эффекте. Но эти лекарства даже для нее были ужасно горькими. Янь Цивэй бесконечно жаловалась про себя как ребенок, но, в конце концов, она была взрослой, так что, даже если ей это немного не нравилось, она всё равно могла как ребёнок противиться, а только вяло взять чашку и сразу же принять лекарство, задержав дыхание.

Горечь яростно подкатила к ее горлу, оно было слегка воспалённым из-за лихорадки. Она допила, отставила чашку в сторону и закрыла лицо руками. Она не хотела, чтобы Лян Сяо видел ее хмурое лицо. Женщины действительно мистические существа: даже если они ужасно страдают, они все равно сохраняют свой имидж перед пассивной, несмотря ни на что, как настоящие борцы.

Янь Цивэй тихо выругалась про себя, а затем вдруг услышала, как подросток рядом с ней тихо позвал:

— Вэйвэй.

Ее зрение было мутным и у нее кружилась голова из-за лихорадки, но, когда этот звук повторился, она ощутила себя так, как будто в неё ворвался поток воды и мигом смысл все невзгоды.

Янь Цивэй ошеломленно подняла голову, чтобы ответить. Длинные ресницы Лян Сяо задрожали, когда их взгляды встретились, и его глаза засияли ярким светом. Он немного нервничал и напрягся, когда протянул руку:

— Это для тебя.

Там была кремовая конфета с большим мягким кроликом на оберточной бумаге. Сердце Янь Цивэй внезапно просветлело. Конфета, подаренная, когда ты болен — это сюжет, который встречается только в таких милых романах!

Согласно этим романам после того, как главная героиня съест конфету, горечь во рту немедленно исчезнет, а вместо нее появится сладкий аромат. Это было пунктом, обязательным для свидания с соседом.

Тетя Шэнь добавила, улыбаясь:

— Он купил его специально для тебя, когда мы обедали, сказав, что беспокоится, что лекарство будет слишком горьким.

Её сердце затрепетало, юный Лян Сяо действительно был очень милым. Янь Цивэй взяла конфету, проводя по ее губам, пытаясь скрыть улыбку. Смущенный мальчик быстро убрал руку и услышал, как она тихо сказала:

— Спасибо.

От конфеты остался сильный молочный привкус во рту, приятный, как тающий лед в середине весны, просачивающийся внутрь.

Романы не лгут, она больше не чувствовала горечи. Настроение Янь Цивэй улучшилось. Она приподняла кончик языка, пытаясь ощутить сладость во рту, но почти исчезнувшая горечь лекарства появилась снова, пронзив кончик язык.

Оно было СЛИШКОМ ГОРЬКИМ. Правда заключалась в том, что одна маленькая конфетка не могла побороть это лекарство. И на самом деле чудо не в конфете, а в счастье, которое она почувствовала, когда узнала, что человек запертый в ее сердце беспокоится и думает о ней.

<http://tl.rulate.ru/book/55590/1559388>